Годъ шестьдесятъ первый. 21 апрѣля 1899 г.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

(ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ)

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА, ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ.

№ 17.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на неоффиціальную часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей“ въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ доставкой и пересылкой въ другіе города: 4 р. за годъ и 2 р. 50 к. за полгода.

Подписка принимается: въ типографіи губернскаго правленія, у г. нижегородскаго полиціймейстера и у гг. уѣздныхъ исправниковъ.

За помѣщеніе частныхъ объявленій взимается: впереди текста 20 к., позади текста 10 к. со строки петита, въ одну колонку, за одинъ разъ. Въ розничной продажѣ за № неоф. части 10 к., а вмѣстѣ съ оффиц. частью 20 к.

Телефонъ редакціи и типографіи № 330.

Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными. Всѣ же прочія—оплачиваются соотвѣтствующимъ гонораромъ.

Статьи, признанныя неудобными для печатанія, не возвращаются.

Статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и измѣненію.

Личныя объясненія съ редакторомъ ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) отъ 10 до 12 ч. дня въ редакціи „Нижегор. Губ. Вѣд“., въ кремлѣ, въ зданіи губернской типографіи.

Христосъ Воскресе!...

Наступилъ великій праздникъ; на необъятномъ пространствѣ земли русской и на далекой чужбинѣ, куда судьба бросила хотя-бы горсть православнаго люда, слышатся радостныя и святыя слова: „Христосъ Воскресе!“ торжественно гудятъ колокола и далеко, далеко разносится ихъ торжественный звонъ, возвѣщающій міру Воскресеніе Спасителя.

Взошла чудная и свѣтлая заря, озарила радостнымъ свѣтомъ Божью землю; свѣтло и радостно стало на душѣ, но... одна темная тучка въ этотъ радостный праздникъ осталась на свѣтломъ горизонтѣ—людское горе—голоданье.... Если нужда, а тѣмъ болѣе—голодъ вызываетъ скорбное чувство въ обычное время, то какъ должно быть тяжело человѣческое страданіе въ радостный праздникъ Воскресенія Христова....

Поспѣшимъ же на помощь нашимъ страдающимъ братьямъ, протянемъ имъ братскія руки, облегчимъ ихъ страданія, заставимъ ихъ съ чистымъ сердцемъ сказать: „воистину Христосъ воскресе!“

Претерпѣваемое населеніемъ неурожайныхъ мѣстъ бѣдствіе настолько велико, что, не смотря на помощь, оказываемую „Обществомъ Краснаго Креста“ и пожертвованіями, поступающими изъ разныхъ мѣстъ обширнаго нашего Отечества, нужда въ хлѣбѣ далеко остается неудовлетворенною. Газеты переполняются одно другого печальнѣе извѣстіями, ярко рисующими картину претерпѣваемаго бѣдствія. Читая такія извѣстія, сердце тягостно сжимается при мысли о томъ, что въ настоящій свѣтлый праздникъ есть люди, испытывающіе тяжкія страданія отъ голода и болѣзней; людей такихъ не одна тысяча и всѣ они обречены еще долго влачить свои скорбные дни, пока не дождутся помощи отъ окружающихъ ихъ сытыхъ людей.

Малокультурные киргизы уральской области и тѣ пришли на помощь нуждающимся. Они пожертвовали въ пользу безлошадныхъ крестьянъ саратовской губерніи 25 лошадей, желая тѣмъ выразить свое сочувствіе къ бѣдствію обездоленныхъ неурожаемъ людей. Велико должно быть бѣдствіе, когда оно вызвало состраданіе даже со стороны киргизовъ. Вотъ какъ рисуетъ г. Сергѣенко въ „Рус. Вѣдом.“ бѣдствіе въ сосѣдней съ нами казанской губерніи:

„Многіе съ осени не знаютъ горячей пищи. Приходилось питаться желудями, древесною корой, листьями, даже падалью. Въ моемъ распоряженіи, говоритъ авторъ, имѣются образцы „хлѣба“, похожаго на все, кромѣ хлѣба. Неурожай въ истекшемъ году въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ былъ полный. Сначала продолжительныя засухи съ горячими вѣтрами все завялили и выжгли; затѣмъ ударили ранніе морозы и доконали все остальное. Населеніе осталось безъ хлѣба, безъ пшена, безъ картофеля, безъ капусты, а въ иныхъ случаяхъ и безъ надеждъ, безъ будущаго. Дойдя до крайней степени нищеты, многіе тайно запродали свои озимые посѣвы. На почвѣ истощенія начали развиваться различные недуги. Смертность усилилась. Цынга и тифъ пустили глубокіе корни.

„Подъѣзжаешь къ селу и жутко становится, особенно вечеромъ. Чернѣютъ полузанесенные снѣгомъ избы безъ огней, безъ признаковъ жизни. Изъ трубъ не клубится дымъ. На встрѣчу не выбѣгаютъ съ лаемъ собаки, еще осенью перебѣсившіяся и поколѣвшія съ голоду. Ѣдешь будто по кладбищу... Входишь въ избу и невольно останавливаешься. Синеватый, удушливый воздухъ. Изнуренныя восковыя лица, горящіе глаза, стоны немощныхъ, плачъ дѣтей и тяжелый, отталкивающій запахъ отъ больныхъ. Пересиливаешь себя, вступаешь въ разговоръ и черезъ минуту путаешься въ вопросахъ передъ сосредоточенными взглядами. Совѣстно становится, что копаешься въ человѣческомъ горѣ и ищешь въ немъ самыхъ

больныхъ мѣстъ, имѣя въ это время въ карманѣ кошелекъ съ деньгами, которыя приберегаешь для какихъ-то болѣе серьезныхъ цѣлей, чѣмъ неудовлетворенная нужда голодающихъ людей.

„Я не привожу различныхъ ужасающихъ картинъ нищеты, видѣнныхъ мною, потому что отдѣльныя картины ничего не доказываютъ. Вызываютъ ужасъ не столько картины нищеты, сколько ихъ „логическая необходимость“. Ужасало отношеніе къ нимъ и безучастіе общества“.

Далѣе г. Сергѣенко рисуетъ тѣ же приблизительно картины и въ мѣстностяхъ, менѣе пострадавшихъ отъ недорода, при чемъ особенно хватаетъ за сердце положеніе дѣтей въ этихъ мѣстностяхъ.

„Но и въ мѣстностяхъ съ такъ наваемой средней нуждой вездѣ предо мною открывались картины крайней нищеты, т. е. взрослые и дѣти ничего не ѣли по цѣлымъ днямъ, питались всякими суррогатами, по цѣлымъ мѣсяцамъ не видѣли горячей пищи и въ запасѣ имѣли только надежды. Часто случалось, что войдешь въ избу и никакъ не можешь завести дѣльный разговоръ среди отчаяннаго крика дѣтей. Мать тщетно одѣляетъ пинками неугомонныхъ крикуновъ. Они все-таки не унимаются и вопятъ. Съ трудомъ, наконецъ, улавливаешь смыслъ междометій. Дѣти кричатъ:

— Хлѣб-ца хо-чет-ся!

Это обычный дѣтскій припѣвъ. Мѣстные жители не то, чтобы очерствѣли, а какъ-то свыклись съ окружающею нищетой. И въ ихъ глазахъ настоящая нужда начинается только тогда, когда вся семья лежитъ въ лежку отъ истощенія—съ запекшимися губами и распухшими деснами, изъ которыхъ можно безъ труда вынимать зубы, т. е. когда силы несчастныхъ могутъ быть возстановлены уже не пищей, а только чудомъ“.

Зимы суровые покровы
Стремится ужъ земля стряхнуть...
Призывомъ къ жизни свѣжей, новой
Внимаетъ жаждущая грудь.

Весны почуявъ дуновенье,
Проснулась Волга вновь отъ сна,
Въ своемъ могучемъ возрожденьи
Вновь дивной прелести полна.

Забыты вьюги, непогоды,
Полно все жизнью молодой,
Льетъ силы юныя природа
Горячей трепетной волной.

Въ душѣ исчезли мракъ, сомнѣнья,
Духъ встрепенулся отъ оковъ—
Онъ, въ благодатномъ упоеньи
Природу всю обнять готовъ.

Христосъ Воскресъ—онъ ощущаетъ—
Воскресъ Христосъ—и смерти нѣтъ!..
„И все воскресло!“—восклицаетъ
Ему живущее—въ отвѣтъ.

Земная грудь и сводъ небесный,
И говоръ водъ, и шумъ древесъ—
Слились въ гармоніи чудесной:
„Воистину Христосъ Воскресъ!“

Воскресъ Христосъ! Пусть вѣсть благая
Міръ благодатью озаритъ!...
Христосъ Воскресъ—любовь святая
Вражду и злобу побѣдитъ—

Проникнетъ въ сердце, и объятья
Раскроютъ недругамъ враги,
И примирятся всѣ, какъ братья,
На свѣтломъ праздникѣ любви!...

Сфинксъ.

Мама прислала!...

(Пасхальный разсказъ).

Великая суббота. Полдень. Гудятъ колокола, но народъ не спѣшитъ къ обѣднѣ. На улицахъ масса пѣшеходовъ. Всякій что-нибудь да несетъ въ рукахъ: у одного куличи, у другого корзинки съ провизіей, у третьяго свертки съ обновками къ великому празднику... Только у двоихъ пѣшеходовъ, пробирающихся по солнечной сторонѣ Большой Покровки, ничего не видно въ рукахъ. Онъ—пожилой мужчина, состарѣвшійся прежде времени, съ сильно замѣтной сѣдиной на вискахъ, одѣтый очень и очень бѣдно, не „по-сезону“; она—дѣвочка лѣтъ 12—13, одѣтая хотя и бѣдно, но чисто и опрятно... Имъ неловко, видимо, среди толпы, они охотно уступаютъ дорогу, жмутся къ самымъ стѣнамъ домовъ...

— Папа!—говоритъ дѣвочка,—а хватитъ-ли у насъ денегъ купить Васѣ яичко?...

Отецъ еще ниже опускаетъ свою голову и цѣдитъ сквозь зубы:

— Хватитъ, Катя, не безпокойся... Какже не подарить ему ничего? Помнишь, мама всегда дарила намъ на Пасху по яичку...

Тебѣ-то вотъ не придется купить...

— Мнѣ не надо, папа, только бы Васѣ...

— Купимъ, купимъ... И въ голосѣ отца дрожатъ слезы.

Вася—это семилѣтній мальчикъ. Онъ теперь сидитъ дома, „какъ большой“, одинъ: папа съ Катей пошли на Покровку и весь домъ, состоящій изъ комнаты и кухни, въ подвальномъ этажѣ, оставили на него.

Вотъ и магазинъ. Яркіе лучи солнца бьютъ въ окна, за стеклами которыхъ заманчиво сверкаютъ и искрятся игрушки, яйца...

— Какъ красиво!—восхищается Катя.

Отецъ берется за ручку двери.

— Папа!

— Что, дѣтка?

— Здѣсь, вѣрно, все дорогое, а у насъ...

— Ну, Катюша, для богатыхъ дорогое, а впрочемъ... Иди!

Вошли... У пралавка масса народу. Слышится оживленный дѣтскій говоръ, смѣхъ...

Сначала приказчикъ и не замѣтилъ новыхъ покупателей: они стали поодаль, но когда народъ схлынулъ, онъ свысока спросилъ у Кати и ея отца „чего имъ, собственно, требуется“...

— Покажите намъ недорогія яички съ сюрпризами,—сказала дѣвочка, тревожно заглядывая въ лицо отца.

— Вотъ-съ,—небрежно подвинулъ къ ней приказчикъ картонку съ яйцами.

Катя съ дѣловитымъ выраженіемъ стала выбирать яйца, но когда ей подвернулось подъ руку одно яйцо съ бронзовой отдѣлкой, должно быть случайно сюда попавшее,—дѣтство осилило и она даже вскрикнула отъ восторга:

— Папочка! милый! гляди какая прелесть!.. Отецъ молча вздохнулъ, и, отвернувшись, долго долго сталъ сморкаться.

Катя положила яйцо на прилавокъ и, взявъ первое попавшееся ей яйцо, спросила цѣну.

— Четвертакъ-съ, дешевле нельзя—сказалъ приказчикъ завертывая яйцо.

— У васъ есть мама?—спросилъ вдругъ Катю хозяинъ магазина, высокій сѣдой старикъ, все время не сводившій глазъ съ дѣвочки и ея отца.

— Нѣтъ... Она умерла, не очень давно, отвѣчала Катя, глотая слезы.

Когда приказчикъ отдавалъ хозяину деньги, тотъ сказалъ ему что-то на ухо. Приказчикъ взялъ выбранное Катей яйцо,—оно еще лежало на прилавкѣ,—досталъ коробку, отвернулся, повозился надъ ней и, завернувъ ее, вѣжливо подалъ Катѣ и отворилъ дверь...

Прошло минутъ десять—пятнадцать. Хозяинъ еще не уходилъ изъ магазина, несмотря на то, что его уже два раза звали обѣдать. Онъ точно ждалъ чего-то...

Вдругъ рѣзко стукнула дверь и въ магазинъ, вся запыхавшаяся, вбѣжала Катя и, краснѣя, заговорила торопливо, едва переводя дыханіе:

— Вы, вѣрно, ошиблись... мы съ папой купили Васѣ одно яичко... а здѣсь—два...

Вотъ, возьмите...

И дѣвочка протянула къ хозяину магазина то самое яйцо, съ бронзовой отдѣлкой, которое привело ее въ такой восторгъ.

Старикъ вышелъ изъ-за прилавка, и смаргивая набѣгающія слезы съ своихъ глазъ, на суровомъ сморщенномъ лицѣ, по которому промелькнуло что-то какъ блескъ зарницы,—нагнулся, обнялъ дѣвочку и, поцѣловавъ ее, сказалъ:

— Возьмите это яйцо себѣ... Думайте, что его прислала вамъ ваша мама!..

Повернулся и быстро ушелъ изъ магазина въ свою квартиру, крайне удививъ приказчика, не разу не видавшаго такой доброты у своего хозяина.

М. Ө. Саларевъ.

Молитва.

Боже мой! Боже мой!
Я склоняюсь въ мольбѣ предъ Тобой:
Просвѣти, вразуми и наставь;
Отъ соблазновъ житейскихъ избавь;
Отъ сомнѣнья мучительныхъ думъ
Защити робкій умъ!
Согрѣвающимъ свѣтомъ любви
Духъ упавшій во мнѣ оживи;
Этой жизни тревожные дни
Благодатью Своей осѣни,
И земные пути
Вѣчной правдой своей освѣти;
Дай мнѣ силъ сохранить въ чистотѣ
Тѣ мечты и стремленія тѣ,
Что въ душѣ зародились моей.
Въ пору юныхъ восторженныхъ дней!
Вдохнови въ милосердьи Своемъ
На борьбу съ окружающимъ зломъ
И отвагу во мнѣ пробуди,
И на подвигъ меня поведи!
Научи меня злобы не знать,
Покоряться судьбѣ, не роптать
И тоску наболѣвшей души
Разгони, заглуши!
Помоги мнѣ познать красоту;
Вдохнови—свѣтлый призракъ, мечту
Въ стройныхъ звукахъ земли воплотить;
Дай мнѣ пѣсню такую сложить,
Чтобъ средь горя, заботъ и тревогъ
Находить въ ней забвеніе могъ
Мой уставшій, измученный братъ;
Чтобъ его потухающій взглядъ
Вспыхнулъ свѣтлой надежды огнемъ,
Бодрость духа проснулась бы въ немъ,
Чтобъ изъ пѣсни той могъ онъ черпать
Новыхъ силъ, свѣтлыхъ думъ благодать,
Чтобъ онъ могъ съ нею легче нести,
Крестъ тяжелый земного пути!..

. . . .

И когда, Всемогущій Творецъ,
Ты меня призовешь наконецъ,—
Сподоби безъ страданій уснуть,
Сознавая, что жизненный путь,
Сколько было умѣнья и силъ,
Отдалъ я, посвятилъ
На служенье любви и добру.
Съ этой мыслью я тихо умру
И предстану на судъ Твой,
Боже мой! Боже мой!

А. О. Цеткинъ.

(„Днѣпр. Молва“.)

ЗАКЛАДЧИКЪ

Изъ Пасхальнаго разсказа

К. С. БАРАНЦЕВИЧА *)

Ну, ты тутъ все приготовь, смотри! сказалъ Андрей Кипріанычъ, обмотавъ шарфомъ и взявшись за шапку.

— Чего готовить-то? огрызнулась старуха Домна,—велико у насъ готовленье, неча сказать!

— Однако, вотъ ветчина и проч.! -нерѣшительно промямлилъ Андрей Кипріанычъ и подумалъ: „о, лютый звѣрь, а не старуха! Вотъ ужъ именно можно сказать лютый!“

— Ветчина! воскликнула Домна,—великъ кусокъ: три фунта! Поди, думаешь, съѣли твою ветчину? Ну?

И, согнувшись, разводя руками, она остановила на хозяинѣ злобный взглядъ. Старческія тонкія губы искривились въ усмѣшку, обнаруживъ черные остатки зубовъ; космы не сѣдыхъ уже, а изжелта бѣлыхъ волосъ выбились изъ-подъ темнаго платка и легли на морщинистый лобъ. Сухіе скрюченные пальцы старухи походили на когти крупной хищной птицы.

— Вѣдьма! прошепталъ про себя Андрей Кипріанычъ и сказалъ:—ну, ну, полно, не ершись! Не грѣши, старуха!

— Съ тобою грѣховъ не оберешься! А ты тоже зря не бреши! Никто твоего не возьметъ!

— Да не къ тому я! Полно тебѣ! махнулъ рукой Андрей Кипріанычъ,—будто не знаю! Полно! Я насчетъ стола... столъ приготовь, поставь все какъ слѣдуетъ!

— Велико приготовленье!

— Ну, вотъ! баба, такъ ужъ и есть баба! Э-эхъ!

И вмѣсто того, чтобы выйти за дверь, онъ вошелъ въ низенькую мрачную комнату, пытливо осмотрѣлся, потянулъ за замокъ, навѣшенный на дверь въ другую комнату, исполнявшую назначеніе кладовой, и, удостовѣрившись въ томъ, что замокъ защелкнутъ, снова вышелъ въ переднюю.

— Аль забылъ что? спросила старуха, криво усмѣхнувшись:

— Забылъ и есть! отвѣчалъ Андрей Кипріанычъ, надѣвая шапку,—ну, запирай, что ли!

Онъ вышелъ на лѣстницу. Старуха хлопнула за нимъ дверью и надѣла крюкъ. Андрей Кипріанычъ постоялъ нѣкоторое время передъ запертой дверью, какъ бы въ раздумьи: идти или остаться, но съ верхней площадки послышались стукъ двери, топотъ ногъ, веселый женскій голосъ, и Андрей Кипріанычъ сталъ спускаться съ лѣстницы.

Его обогнала молодая, разодѣтая по праздничному, горничная, какъ-то особенно фыркнула и, обдавъ запахомъ духовъ Калипсо, исчезла за поворотомъ.

Андрей Кипріанычъ счелъ необходимымъ поднять воротникъ пальто, что дѣлалъ всегда и въ холодную, и въ теплую погоду, проходя по двору. На двухъ дворахъ огромнаго, пятиэтажняго дома у Андрея Кипріановича было много знакомыхъ, съ которыми ему какъ-то не хотѣлось встрѣчаться глазами. Андрей Кипріанычъ дѣла свои велъ аккуратно и обидчикомъ себя не считалъ,—да это могъ бы засвидѣтельствовать любой изъ его многочисленныхъ кліентовъ,—но такая ужъ вообще была у него, съ дѣтства усвоенная, привычка. Онъ никогда никому не смотрѣлъ въ глаза прямо, поэтому никто не зналъ, что глаза у него были сѣрые, немного на выкатѣ и постоянно слезились. Послѣднее, можетъ быть, происходило оттого, что Андрей Кипріанычъ нюхалъ табакъ, о чемъ свидѣтельствовалъ кончикъ его короткаго толстаго носа. Круглое, съ дряблыми, отвислыми, щеками лицо Андрей Кипріанычъ имѣлъ обыкновеніе брить, но не особенно часто, почему оно и было всегда покрыто синеватой щетиной.

Выйдя на улицу, Андрей Кипріанычъ полной грудью вздохнулъ свѣжаго вечерняго воздуха. Въ маленькой квартирѣ всегда чѣмъ нибудь пахло неблаговоннымъ—чаще всего треской и постнымъ масломъ, а тутъ этакая благодать! воздухъ чистый, пріятный, немножко весной попахиваетъ, на голубомъ небѣ ни облачка, и все-то оно въ звѣздахъ! Такъ и мерцаютъ, такъ и теплятся „божьи лампадки“! Окна въ домахъ освѣщены—люди готовятся къ великому празднику, по улицамъ мелькаютъ торопливо темныя фигуры, у каждой почти въ рукахъ узелокъ съ розговѣньемъ и Андрею Кипріанычу даже очень пріятно попасть иногда въ группу торопящихся въ церковь людей; ни они его не знаютъ, ни онъ ихъ не знаетъ, а съ людьми лучше нежели одному—люди отъ собственныхъ мыслей отвлекаютъ. Но церковь, въ которую намѣренъ идти Андрей Кипріанычъ, не близко—совсѣмъ маленькая такая церковька, въ которой и по праздникамъ-то народу мало бываетъ, поэтому попутчики начинаютъ отставать и разсыпаться по другимъ улицамъ, а когда Андрей Кипріанычъ выходитъ на шоссе, то тутъ ужъ совсѣмъ никто не попадается, только фонари свѣтятся рядомъ точекъ, да пьяный (прости Господи!) гдѣ нибудь у фонарнаго столба ворочается и бурчитъ.

„Слабость, грѣховная слабость!“ сокрушенно качаетъ головой Андрей Кипріанычъ, осторожно обходя мотающуюся темную фигуру, „отъ соблазна—слабость! И у всякаго человѣка есть своя слабость, ибо и самъ человѣкъ есть персть земная—ни болѣе. Вотъ вѣдь въ этакую великую ночь и не удержался человѣкъ и уподобился скотинѣ безсловесной. Охо-хо! И у меня есть слабость, большая такая, которую вѣкъ замаливать—не замолить! Нѣтъ,—не замолить! И въ досужемъ, не отвлекаемомъ ничѣмъ, мозгу Андрея Кипріаныча возникаютъ воспоминанія о томъ, какъ и съ чего началась и пошла его „слабость“. Началась она давно, еще когда Андрей Кипріанычъ не былъ одинокимъ, а жилъ съ семьей и имѣлъ небольшую табачную лавочку. Съ табачной лавочки какой доходъ—только за квартиру заплатить да содержаніе, а семья у Андрея Кипріаныча была не маленькая: пятеро дѣтей да жена, да старушка-маменька. Вотъ и началъ Андрей Кипріанычъ исподволь да помножку урѣзывать, да усчитывать, чтобы хоть какъ никакъ концы съ концами свести. Дѣти росли, нужно было ихъ учить, платить за нихъ въ учебныя заведенія, да не какія нибудь, а въ гимназіи, старушка-маменька не умирала, и хоть не великъ былъ на нее расходъ, а все-таки голодомъ не сидѣла. А жена—царствіе ей небесное—злится, бывало, изъ-за недостатковъ, плачетъ, бранится! „Иродъ ты этакой“, кричитъ, „извергъ, злодѣй! У тебя сломаннаго гроша не допросишься. Подавись ты своими проклятыми деньгами! Мнѣ у тебя денегъ просить все равно, что въ петлю!“ Неосновательная была женщина—Богъ ей прости!—и не любила она, должно быть, мужа, а Андрей Кипріанычъ ее любилъ и горько и больно ему было слышать, какъ она его попрекала, да „злодѣемъ и мерзавцемъ“ величала. И пришлось тутъ какъ-то къ случаю, что взялъ онъ у одной кухарки серебряный браслетъ, такъ, можно

*) „Всемірная Иллюстр.“ 1897 г.

сказать, на пробу взялъ, что, молъ, изъ этого выйдетъ, и далъ полтинникъ, а черезъ мѣсяцъ кухарка должна была его за семьдесятъ пять копѣекъ выкупить. Отдалъ полтинникъ, взялъ вещь, да ночи три не спалъ, все думалъ, что худое это дѣло, а еще того хуже выйдетъ, какъ не выкупитъ кухарка браслета, поди продавай его, а за него и двугривеннаго не дадутъ. Однако, кухарка браслетъ выкупила, а черезъ мѣсяцъ опять его принесла, да къ нему еще пару серегъ пріобщила... Вотъ съ тѣхъ поръ и началъ Андрей Кипріанычъ этими дѣлами заниматься, и самъ почувствовалъ, какъ все болѣе и болѣе сталъ черствѣть, озвѣряться. Зато въ домѣ покой и тишина настали. Старушка-маменька, наконецъ померла, жена поласковѣе сдѣлалась, дѣти, между тѣмъ одинъ за другимъ покончили гимназію; двое въ университетъ поступили, а тамъ и на службу, двѣ дочери замужъ вышли, одна мастерскую открыла,—всѣ живутъ хорошо и ничего отъ Андрея Кипріаныча не спрашиваютъ. Да онъ и не дастъ. Не дастъ потому, что ужъ очень лютъ на деньги сталъ! Капитальчикъ сколоченъ порядочный, а все ему мало: запрещено заниматься закладами, а онъ все дѣла своего не бросаетъ. Привыкъ, втянулся. Жена умерла, остался одинъ и живетъ какъ медвѣдь въ берлогѣ и не скучно ему, не жаль ему никого, да и памяти нѣтъ о прошломъ. Очерствѣлъ какъ есть очерствѣлъ душою!

— О-хо-хо! тихонько вздохнулъ Андрей Кипріанычъ и умиленно взглянулъ на свѣтившіеся вдали, по дорогѣ, огоньки церкви,—грѣхъ это, великій грѣхъ, самъ знаю, да какъ совладаешь съ собою? Тянетъ! Вотъ, иду въ храмъ Божій, къ заутрени, а на умъ, нѣтъ, нѣтъ, кладовая взбредетъ! Все ли тамъ въ цѣлости, не обворовалъ бы кто, спаси Богъ, когда Домна святить уйдетъ! Что это я имя Божье къ такому дѣлу призываю!...

Андрей Кипріанычъ перекрестился и зашепталъ молитву.

Да, много тамъ, въ кладовой, человѣческихъ горькихъ слезъ! Вещишки все плохонькія, другой бы не посмотрѣлъ: кофты да платья, да сапожонки, да такъ кое-что, а каждая такая вещь хозяину нужна, да дорога, и несетъ онъ ее къ Кипріанычу—сердце кровью обливается. Есть тамъ и ризки съ образовъ, и крестики,—вотъ ужъ этого бы и не слѣдовало брать... Не слѣдовало бы, нѣтъ!

Андрей Кипріанычъ еще выше поднялъ воротникъ пальто, словно бы хотѣлъ отъ кого закрыться, но закрываться было не отъ кого—дорога была пустынна, а отъ Божьихъ глазъ—звѣздочекъ—не скроешься: глядятъ онѣ тебѣ прямо въ лицо. И свѣтло такъ глядятъ! На пути стали попадаться люди съ узелками; всѣ спѣшили въ церковь, уже окруженную темною массой народа. Андрей Кипріанычъ пробрался черезъ толпу къ своему обычному мѣсту, налѣво въ уголокъ, противъ иконы Спасителя. Чтеніе дѣяній апостоловъ приближалось къ концу. Скоро должна была начаться заутреня. Андрей Кипріанычъ стоялъ передъ иконой Спасителя и не могъ оторвать глазъ отъ потемнѣвшаго стариннаго письма лика. Какія грусть и страданія были въ этихъ кроткихъ, божественныхъ глазахъ. Эта грусть была по всему человѣчеству, погрязшему въ грѣхахъ, въ ненависти, въ любостяжаніи, забывшему святые завѣты Христа. Ужасна была смерть на крестѣ... за людей, которыхъ Онъ училъ, которымъ отдалъ все, самую Свою жизнь... Пальцы Его сложены для благословленія. Онъ благословляетъ ихъ всѣхъ, всѣхъ, прощаетъ враговъ и учитъ прощенію, людей, прощаетъ самыхъ страшныхъ грѣшниковъ...

— Господи, простишь ли ты мнѣ? со слезами на глазахъ внутренно взываетъ Андрей Кипріанычъ, повергаясь ницъ передъ иконой, и вдругъ ему вспоминается ризка, запрятанная въ самый укромный, въ самый темный уголъ кладовой.

Андрей Кипріанычъ какъ упалъ къ полу лицомъ, такъ и остается, не будучи въ состояніи поднять головы.

„...пріяша ризы его и сотвориша четыре части коемуждо воину часть и хитонъ“—стучитъ ему въ голову, и сердце его сжимается невыносимой болью и страхомъ.

— Іуда, Іуда! словно кто шепчетъ ему въ уши,—ты тотъ Іуда, который продалъ Христа! Зачѣмъ ты взялъ ризы Его и потомъ пришелъ въ Его домъ? Сколько разъ обиженные тобою люди называли тебя христопродавцемъ, а развѣ это неправда?

— Господи! съ воплемъ вырывается изъ груди Андрея Кипріаныча.

Стоявшая подлѣ старушка-нищенка въ страхѣ отшатывается отъ него, но никто больше не слышитъ этого ужаснаго, исшедшаго изъ глубины души, вопля. Въ церкви движеніе. Въ воздухѣ колеблются старенькія, выцвѣтшія хоругви, при свѣтѣ огней сверкаетъ крестъ. Въ открытыя двери потянуло холодкомъ—это крестный ходъ вернулся въ церковь...

— Христосъ воскресе! торжественно провозглашаетъ священникъ.

— Воистину воскресъ! Въ одинъ голосъ отвѣчаетъ ему толпа, и сразу у всѣхъ дѣлаются свѣтлыя, благостныя лица; у многихъ на глазахъ слезы умиленія. Радостное возбужденіе сообщается всѣмъ: люди начинаютъ христосоваться, поздравлять другъ друга.

Отпустивъ Домну на цѣлый день, старикъ заперся въ квартирѣ. Были звонки, должно быть, тѣхъ, кто чаялъ перехватить деньжонокъ для праздника, но Андрей Кипріанычъ былъ упоренъ въ своемъ рѣшеніи и не отпиралъ. Онъ сидѣлъ въ кладовой и, при свѣтѣ маленькой жестяной лампы, приводилъ въ порядокъ вещи, завертывая ихъ въ бумагу и связывая въ узлы. Какихъ, какихъ тутъ только не было вещей! Рядомъ съ новенькими сапогами, „гармоніей“ какого нибудь чистяка мастерового стояли огромные желтые осташи землекопа, хорошенькая муфта горничной лежала по сосѣдству съ мѣднымъ помятымъ кофейникомъ старухи, жившей даяніями благодѣтелей, затѣмъ слѣдовала цѣлая коллекція ситцевыхъ и шерстяныхъ платьевъ, пиджаковъ, жилетокъ, панталонъ, увѣнчанныхъ шляпами и шапками всевозможныхъ размѣровъ. Были тутъ музыкальные инструменты въ видѣ гармоникъ, гитаръ и даже бубенъ, было и оружіе, состоявшее изъ двухъ-трехъ шашекъ, студенческой шпаги и кортика, были представительницы искусства—двѣ-три картины неизвѣстныхъ художниковъ, написанныя масляными красками, и статуэтка обнаженной женщины съ отбитыми пальцами правой ноги. Каждая вещь была зарегистрована въ книгу и снабжена лоскуткомъ бумаги съ крупно выведеннымъ на немъ нумеромъ.

Андрей Кипріанычъ провѣрялъ по книгѣ нумера, надписывалъ и нацѣплялъ новые, взамѣнъ утерянныхъ, дѣлалъ свои отмѣтки, связывалъ, завертывалъ, упаковывалъ и провозился до поздняго вечера. Эта работа и утомила, и въ то же время нѣсколько успокоила Андрея Кипріаныча.

Рано утромъ Домна была отправлена къ нѣкоторымъ лицамъ съ порученіемъ, которое страшно удивило старуху. Она попробовала было спросить у хозяина объясненія, но Андрей Кипріанычъ категорически заявилъ, что объясненіе будетъ потомъ, а что теперь ему некогда, такъ какъ онъ тоже идетъ куда-то по дѣлу.

Въ сущности никакого дѣла у него не было, но онъ не хотѣлъ оставаться дома, зная по опыту, что сегодня еще больше будетъ звонковъ.

Андрей Кипріанычъ просто вышелъ на улицу прогуляться.

Была совсѣмъ весна. Снѣгъ давнымъ давно сталъ повсюду, даже на извозчичьихъ, покрытыхъ навозомъ и остатками сѣна дворахъ. Что-то обновляющее, поднимающее душу, чувствовалось въ свѣжемъ весеннемъ воздухѣ. По крышамъ домовъ, по карнизамъ, на солнечномъ припекѣ нѣжились голуби, зажмуривъ глаза и подставляя грудь яркимъ лучамъ солнца. Дворники, въ синихъ блузахъ и клеенчатыхъ фуражкахъ съ бляхами, выходили на поливку улицъ, и ряды гуттаперчевыхъ рукавовъ, извергавшихъ въ ихъ рукахъ воду, казались маленькими фонтанами, дробившимися на солнцѣ милліонами свѣтлыхъ брызгъ. Со всѣхъ колоколенъ церквей, возносившихъ свои верхушки къ безоблачному голубому небу, несся торопливый, словно захлебывающійся отъ восторга, пасхальный перезвонъ колоколовъ. Погруженный то въ размышленія, то въ созерцаніе окружающаго, Андрей Кипріанычъ не замѣтилъ какъ очутился у той церкви, гдѣ былъ ночью, на заутрени. Съ небольшой колокольни, вмѣщавшей всего три колокола—одинъ средней величины и два совсѣмъ маленькихъ, раздавался звонъ; звонилъ сторожъ, намотавъ на руку три веревки и подергивая ихъ попеременно медленно и неохотно.

Андрею Кипріанычу казалось, что звонить нужно не такъ. Онъ долго смотрѣлъ вверхъ, на колокольню, съ завистью, съ желаніемъ замѣнить сторожа, наконецъ, поднялся по ступенямъ паперти, толкнулъ маленькую дверь и началъ взбираться въ темнотѣ по винтовой лѣстницѣ.

Сторожъ узналъ въ Андреѣ Кипріанычѣ прихожанина, каждый разъ опускавшаго во время обѣдни въ кружку не одну, а нѣсколько серебряныхъ монетъ, и тотчасъ съ удовольствіемъ уступилъ свое мѣсто. Андрей Кипріанычъ, впрочемъ, далъ ему еще на чай.

На колокольнѣ было еще лучше, дышалось легче. Прямо, сверкая маленькими, рыхлыми льдинками, катились могучія стальныя воды Невы. Дальше, на томъ берегу, нѣжно зеленѣли едва начинавшіе распускаться парки и сады. Налѣво, на фонѣ голубого неба расплавленнымъ золотомъ сверкала огнемъ Петропавловская крѣпость, а направо обнаженныя отъ снѣга, мѣстами съ прозеленью, черныя поля обѣихъ Охтъ были окутаны дымкой золотистыхъ испареній.

Андрей Кипріанычъ снялъ шапку и перекрестился. Легкій вѣтерокъ разметывалъ космы сѣдыхъ его волосъ, отворачивалъ полы его шубы. Андрей Кипріанычъ съ силою ударилъ въ большой колоколъ. Раздался густой, долго не стихавшій, какъ бы призывавшій всѣхъ къ вниманію, звукъ. Люди, шедшіе мимо церкви, останавливались, поднимали головы кверху и ждали... И вслѣдъ затѣмъ послышалась серебристая, полная жизни и радостныхъ восхваленій, трель маленькихъ колоколовъ.

Безъ шапки, вытянувшись во весь ростъ, съ горящими глазами, словно помолодѣвшій на двадцать лѣтъ, стоялъ Андрей Кипріанычъ и звонилъ съ тѣмъ особеннымъ проникновеніемъ религіознаго чувства, которое давало смыслъ и значеніе каждому повороту руки, каждому звуку, то смягчая его и дѣлая чуть слышнымъ, то усиливая, смѣшивая

его съ другими и превращая въ цѣлый торжественный, славословящій хоръ..

Андрей Кипріанычъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя помолодѣвшимъ, ожившимъ, сбросившимъ съ себя „ветхаго человѣка“... Этотъ „ветхій человѣкъ“ копошился гдѣ-то тамъ, въ темной квартиркѣ закладчика, въ сырой и пыльной кладовой, рылся въ жалкихъ отрепьяхъ бѣдняка, добывая гроши и копя, копя ихъ съ наслажденіемъ жадности, Богъ знаетъ зачѣмъ, Богъ знаетъ для кого...

Теперь у Андрея Кипріаныча была идея другой, новой жизни. Вмѣстѣ съ торжественно-радостными звуками колоколовъ,—распространявшимися съ колокольни надъ окрестными домами, уплывавшими въ прозрачномъ воздухѣ весенняго дня далеко-далеко за предѣлы города,—уносился и обновленный духъ Андрея Кипріаныча, уносился также далеко за предѣлы широкаго озера, къ уединеннымъ скалистымъ островамъ, къ стѣнамъ тихой обители.

На четвертый день праздника, оповѣщенные Домной, явились кліенты Андрея Кипріаныча. Старикъ просто возвратилъ имъ заклады, не взявъ ни процентовъ, ни даже выкупа.

— Кончаю дѣла! отвѣчалъ онъ на настойчивые разспросы,—а чужимъ добромъ пользоваться не хочу!

— Помилуйте! Да вѣдь вы свои деньги платили! возражали ему,—ихъ-то нужно взять!

— Неправедно нажитыя, не нужно! отвѣчалъ старикъ,—есть у васъ лишнія—отдайте бѣднымъ! Мнѣ, все равно, денегъ теперь не нужно!

Недѣли двѣ тянулась эта исторія. Люди приходили съ цѣлью заложить, перехватить денегъ, приходили уплатить проценты. Андрей Кипріанычъ ни закладовъ, ни процентовъ не принималъ, а только возвращалъ вещи, пока кладовая его не опустѣла совершенно.

Домна была убѣждена, что хозяинъ ея сошелъ съ ума, и смотрѣла на него со страхомъ. Весь околотокъ былъ взволнованъ поведеніемъ закладчика, но нашлись, конечно, такіе, которые объясняли эту странность тѣмъ, что Андрей Кипріанычъ просто не захотѣлъ имѣть непріятности съ полиціей, рѣшилъ кончить свои дѣла, уѣхать въ другой городъ и начать тамъ. Были и такіе, которые утверждали, что Андрей Кипріанычъ дѣйствовалъ подъ внушеніемъ начальства, распорядившагося вернуть заклады, но что у него все-таки припрятанъ кругленькій капитальчикъ, которому онъ дастъ ходъ въ другомъ мѣстѣ. Ничего подобнаго не было. Старикъ велъ дѣла маленькія и не особенно выгодныя.

Послѣ ликвидаціи у него осталось рублей двѣсти изъ нажитыхъ прежде. Эти деньги онъ взялъ съ собою, когда въ одинъ майскій полдень сѣлъ на пароходъ, отправлявшійся на Валаамъ, и по пріѣздѣ пожертвовалъ монастырю, въ которомъ и поселился.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ГОДОВЪ нижегородскаго окружнаго суда.

(1869—1871 г.г.)

Я жилъ въ Москвѣ и служилъ судебнымъ приставомъ московскаго окружнаго суда, когда въ апрѣлѣ 1869 г. получилъ отъ предсѣдателя, только что открытаго въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ нижегородскаго окружнаго суда, приглашеніе занять должность секретаря уголовнаго отдѣленія. Конечно, я съ радостью отвѣчалъ совершеннымъ согласіемъ на это лестное приглашеніе, переводъ мой быстро состоялся и въ началѣ мая я былъ уже въ Нижнемъ и вступилъ въ должность секретаря 1-го уголовнаго отдѣленія.

Весь персоналъ суда и канцеляріи къ этому времени былъ уже на лицо; немного позднѣе меня прибылъ одинъ только членъ суда Н. В. Домерниковъ, *) переведенный изъ рыбинскаго окружнаго суда.

Первый составъ собственно суда, за весьма немногими исключеніями, не оставлялъ желать ничего лучшаго, тѣмъ болѣе, что во главѣ его стояла такая личность, какъ памятный нижегородцамъ тогдашній предсѣдатель Александръ Кузьмичъ Пановъ. Извѣстный въ высшихъ сферахъ юстиціи того времени, какъ выдающійся цивилистъ, Александръ Кузьмичъ, какъ человѣкъ, отличался неизмѣримой добротой: это была преобладающая черта его характера; его истинно товарищеское отношеніе къ членамъ суда, вниманіе къ непосредственно подчиненныхъ ему чиновъ канцеляріи, снисходительность къ неизбѣжнымъ съ ихъ стороны промахамъ и общечеловѣческимъ слабостямъ, доступность, готовность всякому имѣющему дѣло до суда оказать, въ предѣлахъ закона, всевозможное содѣйствіе, создали ему въ средѣ суда и мѣстнаго общества такую репутацію всѣми любимаго судебнаго дѣятеля, которая—съ увѣренностью можно сказать—надолго переживетъ его. **)

Нижегородскій судъ открытъ былъ въ трехъ отдѣленіяхъ: одно гражданское и два уголовныхъ; въ гражданскомъ отдѣленіи предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя П. А. Мулловъ, также замѣчательный знатокъ гражданскаго права; ***) въ этомъ же отдѣленіи въ качествѣ члена находился А. А. Богодуровъ, хотя и неполучившій юридическаго образованія, но оказавшійся весьма свѣдущимъ практикомъ-цивилистомъ; впослѣдствіи онъ довольно продолжительное время былъ товарищемъ предсѣдателя нижегородскаго суда по гражданскому отдѣленію и съ честью исполнялъ эту должность.

Для гражданскаго отдѣленія болѣе нежели для уголовнаго представляется поводовъ и случаевъ приходить въ соприкосновеніе съ публикой по вопросамъ, представляющимъ, такъ сказать, насущный интересъ; характеръ производящихся въ этомъ отдѣленіи дѣлъ, имѣющихъ своимъ предметомъ имущественныя права всякаго рода, вызываетъ постоянныя, подчасъ, крайне назойливыя и надоѣдливыя обращенія заинтересованныхъ лицъ; просьбы о скорѣйшемъ разсмотрѣніи дѣлъ, выдачѣ копій, исполнительныхъ листовъ, разнаго рода справокъ, все это въ значительной мѣрѣ наполняетъ время занятій и отвлекаетъ отъ существенныхъ; но тѣмъ не менѣе за все время предсѣдательствованія въ гражданскомъ отдѣленіи г.г. Муллова и Богодурова мнѣ не приходилось ни отъ кого слышать сѣтованій и жалобъ на медленность или неаккуратность въ дѣлопроизводствѣ этого отдѣленія.

Во 2-мъ уголовномъ отдѣленіи предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя А. Ѳ. Гартманъ, ****) а въ 1-мъ уголовномъ самъ Александръ Кузьмичъ, но въ большинствѣ случаевъ по предсѣдательствованію въ отдѣльныхъ судебныхъ засѣданіяхъ его замѣнялъ членъ Николай Васильевичъ Домерниковъ. Ни прежде, въ Москвѣ, затѣмъ въ Нижнемъ, ни послѣ въ другихъ городахъ, гдѣ мнѣ случалось бывать на уголовныхъ засѣданіяхъ, я не встрѣчалъ, чтобы кто такъ безукоризненно-правильно велъ судебное засѣданіе, какъ Николай Васильевичъ; это былъ идеальный предсѣдатель по своей безпристрастности; ровно, не позволяя склоняться ни на ту, ни на другую сторону, держалъ онъ вѣсы правосудія; его заключительныя рѣчи не блистали искрами увлекающагося и увлекательнаго ораторскаго вдохновенія, онѣ не были на эффектъ, а представляли спокойное, безпристрастное напоминаніе присяжнымъ засѣдателямъ всего того, что происходило предъ ними на судѣ; держась строгой объективности въ изложеніи, предсѣдательствующій не позволялъ себѣ высказывать, хотя бы въ отдаленныхъ намекахъ, свое личное мнѣніе въ пользу обвиненія или оправданія, что вполнѣ согласовалось съ тѣми правилами, какія преподаны въ законѣ для этого момента уголовнаго процесса. Въ послѣдующее время мнѣ много разъ приходилось наблюдать, что предсѣдательствующіе въ эти свои, такъ называемые, резюме вносятъ страстность, вполнѣ умѣстную въ представителяхъ обвиненія и защиты, но совершенно излишнюю, а во многихъ случаяхъ и вредную въ судьѣ, существеннымъ качествомъ котораго должно быть вполнѣ объективное отношеніе къ дѣлу. Въ этихъ резюме предсѣдательствующіе являются, смотря по составленному ими личному взгляду на дѣло, въ иныхъ случаяхъ защитниками, въ другихъ обвинителями, и всякій разъ когда мнѣ случалось быть свидѣтелемъ этого, ставшаго нынѣ не рѣдкимъ, нежелательнаго явленія, мнѣ вспоминался Николай Васильевичъ и его спокойное, исполненное приличнаго судьѣ достоинства, безпристрастное веденіе засѣданія. Должно замѣтить, что за время служенія въ нижегородскомъ судѣ Домерникова принятая имъ манера веденія публичнаго засѣданія была усвоена и примѣнялась и другими предсѣдательствующими.

(Продолженіе будетъ).

М. Межецкій.

*) Скончался въ должности члена московской судебной палаты.

**) Александръ Кузьмичъ скончался, если не ошибаюсь, въ половинѣ 80-тыхъ годовъ.

***) Изъ товарищей предсѣдателя нижегородскаго суда П. А. назначенъ былъ товарищемъ оберъ-прокурора гражд. кассац. департ. сената.

****) Въ 80-тыхъ годахъ назначенъ помощникомъ статсъ секретаря государственнаго совѣта.

Еще новая желѣзная дорога въ Нижегородской губерніи.

Управляющій государственными имуществами костромской и ярославской губерній В. С. Дмитріевъ вошелъ въ лѣсной департаментъ съ проектомъ постройки узкоколейной желѣзной дороги въ макарьевскихъ и варнавинскихъ казенныхъ лѣсахъ костромской губерніи и семеновскихъ лѣсахъ нижегородской губерніи по направленію отъ г. Макарьева на Унжѣ до г. Семенова, нижегородской губерніи и далѣе до р. Волги противъ гор. Нижняго-Новгорода, всего на протяженіи около 180 верстъ. Проектируемая линія, проходя по макарьевскому и варнавинскому уѣздамъ, костромской губ., пересѣчетъ казенныя дачи—Пеневговскую, Бѣлбажскую, Потахинскую, Понизовскую, Клинецъ, Здѣхинскую и Моисѣевскую. Дачи эти отпускаютъ незначительное количество лѣса, въ дѣйствительности-же эти дачи могутъ отпускать, переводя лѣсные матеріалы на пуды, около 11½ милліоновъ пудовъ, что составитъ на 2/3 болѣе отпускаемаго нынѣ лѣса. Достигнуть полнаго вывоза лѣса изъ этихъ дачъ, можно только путемъ проведенія проектируемой линіи узкоколейной желѣзной дороги. Линія эта, пре-

хода до семеновскаго уѣзда Нижегородской губ., захватываетъ лѣсныя пространства удѣльнаго вѣдомства, площадь которыхъ около 130 тыс. десят. Затѣмъ далѣе, пересѣкая семеновскій уѣздъ, линія проходитъ по казеннымъ дачамъ Нижегородской губерніи, пересѣкая площадь около 200 тыс. десятинъ, а всего площадь лѣсного пространства, по которой должна пройти проектируемая линія, составитъ болѣе 600 десятинъ, не считая очень значительныхъ лѣсныхъ дачъ частныхъ владѣльцевъ.

Московское общество сооруженія подъѣздныхъ путей въ Россіи въ принципѣ нашло сдѣланное ему предложеніе подходящимъ для себя. Общество соглашается построить проектируемую дорогу безъ всякой денежной субсидіи отъ казны, при условіи лишь безплатнаго отчужденія полосы земли шириною въ 30 саж, для проведенія линіи дороги и таковаго-же отпуска лѣсныхъ матеріаловъ на шпалы и желѣзнодорожныя постройки. Исчисляя стоимость потребной полосы земли и количество лѣсныхъ матеріаловъ на протяженіи 63 верстъ, какое будетъ имѣть дорога въ предѣлахъ казенныхъ дачъ макарьевскаго и варнавинскаго уѣздовъ, таковая, по максимальному разсчету, опредѣляется около 30 тысячъ рублей. („Сѣвер. Кр.“)

Нѣсколько словъ по поводу „проэкта нижегородскаго экономическаго союза“.

Въ №№ 92, 95 и 97 „Нижегородскаго Листка“ напечатана статья г. Постникова: „Проектъ нижегородскаго экономическаго союза“. Какъ газетная статья—она носитъ на себѣ отпечатокъ спѣшности и, по нашему мнѣнію, обладаетъ многими недостатками. Но мы, во-первыхъ, не имѣемъ никакихъ основаній относиться къ статьѣ критически, а во-вторыхъ и главное—эти недостатки, по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже, не имѣютъ ровно никакого значенія. Тутъ главное—идея, въ основу которой положено: облегчить извѣстными способами экономическое положеніе тѣхъ бѣдняковъ или людей съ ограниченными средствами, кого судьба обрекла жить въ Нижнемъ, гдѣ самыя жизненныя условія за послѣдніе годы сдѣлались настолько тяжелыми, что не могутъ не вызвать самого глубокаго сочувствія въ сердцѣ тѣхъ, у кого оно есть. Поэтому, господа, на статью г. Постникова нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто цѣльное, опредѣленное, законченное, исключающее всякую мысль о недостаткахъ. Напротивъ, мы увѣрены, что съ недостатками согласится самъ авторъ. Что же касается до *проекта*, то онъ будетъ неоднократно разбираться и подвергаться критической оцѣнкѣ представителями разныхъ учрежденій и вообще тѣми, кто сочувственно отнесется къ союзу и почтетъ своимъ присутствіемъ собранія, имѣющіяся открыться на Ѳоминой недѣлѣ.

Нѣтъ, на статью г. Постникова мы смотримъ, какъ на стонъ „наболѣвшаго сердца“, какъ на призывъ къ борьбѣ съ роковой, именно—съ *роковой* нуждой. Заслуга г. Постникова, такимъ образомъ, заключается не въ томъ, что онъ написалъ статью, или создалъ „проектъ“—создавать этотъ проектъ будетъ цѣлое общество, если оно сумѣетъ сплотиться, въ виду угрожающей опасности, а заслуга его заключается въ томъ, что онъ первый произвелъ громъ, послѣ котораго намъ, по православнымъ традиціямъ, слѣдуетъ перекреститься....

А намъ давно слѣдовало бы перекреститься, давно уже грозовая туча надвигается надъ нашими бѣдными головами: жизненныя условія становятся все тяжелѣе и тяжелѣе, жизнь въ Нижнемъ стала несравненно тяжелѣе теперь, чѣмъ она была въ 95 г., а наши бюджеты остаются тѣ же, какъ они были два—три десятка лѣтъ тому назадъ.....

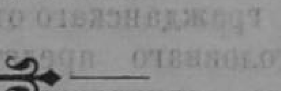
А что, господа, при такихъ экономическихъ условіяхъ мы, „служилый народъ“—люди съ ограниченными средствами или вѣрнѣе—бѣдняки, будемъ испытывать тогда, когда потеряемъ способность къ труду, (а потерять это благо при нашей жизненной обстановкѣ легко.....) что станется съ нашими бѣдными дѣтьми и какое мы дадимъ имъ воспитаніе?....

Экономическая нужда, какая бы она ни была, представляетъ одно изъ ужаснѣйшихъ человѣческихъ золъ, съ которымъ нерѣдко приходится считаться государству. Вотъ почему мы, горячо сочувствуя всякимъ начинаніямъ, имѣющимъ своимъ источникомъ борьбу съ тяжкими экономическими условіями, неменѣе горячо убѣждаемъ дружнѣе и тѣснѣе сплотиться и энергичнѣе взяться за дѣло, обѣщающее намъ, если не спасеніе, то во всякомъ случаѣ—надежду на лучшее экономическое будущее. Помните, г.г., что помощи ждать намъ не откуда; богатые къ намъ не прійдутъ на помощь, ибо дѣятельность по созданію и организаціи „экономическаго союза“ не представляетъ для богатыхъ земныхъ благъ въ образѣ чиновъ, орденовъ и деревень съ пустошами..... Развѣ только иные изъ нихъ ехидно посмѣются, смотря на „союзъ“, какъ на пустую затѣю бѣдняковъ, пожелавшихъ найти выходъ изъ тяжкой нужды, не прибѣгая къ помощи всемогущаго и всесильнаго рубля.

Не забывайте, г.г., что если нѣкоторые изъ насъ болѣе или менѣе только примиряются съ *жизненными неудобствами*, вызванными тѣми или другими неприглядными экономическими условіями, то многіе изъ нашихъ братьевъ—служащаго люда ютятся по подваламъ и чердакамъ, не видя свѣта Божьяго; эти многіе, не смѣя протянуть руку за милостыней, молча болѣютъ, страдаютъ, умираютъ.....

И кто объ этомъ вѣдаетъ?.....

Д.

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Сообщаемъ составъ труппы городского театра на будущій сезонъ (1899—1900 гг.) Женскій персоналъ, г-жи: Азогарова, Терехова, Алинская, Лидина, Соколова, Арбенина, Марченко, Николаева и др. Мужской персоналъ: гг. Смирновъ, Разсудовъ, Басмановъ, Громовъ, Бѣляевъ, Петросьяно, Сверчковъ, Вечесловъ, Гундобинъ и др. Главный режиссеръ С. А. Корсиковъ-Андреевъ, оркестръ г. Вельтманъ. Начало сезона предполагается 14 сентября; къ этому времени будутъ приготовлены новыя декораціи, аксессуаръ и т. д.

На Пасхѣ въ городскомъ театрѣ 20 апрѣля будетъ юбилейный либительскій спектакль подъ режиссерствомъ Н. И. Собольщикова-Самарина, посвященный памяти А. С. Пушкина, а затѣмъ—предполагается приглашеніе малорусской труппы.

Въ уѣздахъ на Пасхѣ, кромѣ драматическихъ любительскихъ спектаклей, предполагается давать даже отрывки изъ оперъ. Первымъ пришла эта мысль лукояновцамъ, гдѣ будутъ поставлены цѣлыя сцены изъ оперъ при участіи А. Е. Пахомова и хора.

Дѣтскія пьесы.

Въ виду возрастающаго требованія на дѣтскія пьесы для городскихъ и сельскихъ школъ, встрѣчается затрудненіе въ подыскaніи подходящихъ пьесъ. Надо, чтобы пьеса соотвѣтствовала цѣли не только по содержанію, но и по обстановкѣ и числу лицъ. Для любителей издаются объемистыя книги со списками пьесъ, гдѣ указаны обстановка, число и возрастъ лицъ и т. д. Для дѣтскихъ пьесъ ничего подобнаго нѣтъ, да и пьесъ очень мало, покрайней мѣрѣ удовлетворительныхъ. Чтобы помочь сельскимъ учителямъ въ выборѣ пьесъ, агентомъ о—ва драматическихъ писателей составленъ такой списокъ и для дѣтскихъ пьесъ, изъ котораго сообщаемъ о слѣдующихъ пьесахъ:. „Строгая сестренка“, комедія въ 2 дѣйствіяхъ—Невѣжина. Дѣвочки 14 л. и 6 л., мальчикъ 8 л. и трое мальчиковъ по 14 л. Декорація—одна комната. Содержаніе изъ городской жизни, ц. 1 р. 35 к. 2, „Жестокій докторъ“ шутка въ 1 дѣйствіи Поплавскаго. Дѣйст. лица: взрослая женщина, мальчикъ и дѣвочка, нѣсколько дѣтей съ общими словами.—Декорація комната. (Ц. 15 к. безъ перес.) Содержаніе изъ городской жизни. 3, „Калифъ-Аистъ“—сказка въ 3 дѣйствіяхъ. Дѣйствующія лица: Хазидъ-калифъ Богдада, Селимъ—его визирь, Кашну—злой волшебникъ, Мирза его сынъ, сова, 1 и 2-й аисты. Дѣйствіе у воротъ Богдада и въ лѣсу—на домашней сценѣ неудобна, хотя и возможна. Цѣна 15 коп. безъ пересылки, 4, „Гензель и Гретель“ (Ваня и Маша—дѣти, покинутыя въ лѣсу) въ 3 дѣйствіяхъ—въ стихахъ. Для домашнихъ спектаклей удобна постановка перваго акта. Обстановка—бѣдная изба. Дѣйствующія лица: Ваня, Маша—дѣти, мать и отецъ. Въ пьесѣ пѣніе и танцы. Второе и третье дѣйствіе въ лѣсу (пряничномъ домѣ) гномы, вѣдьмы и дѣти (печь у бабы-яги). Обстановку двухъ послѣднихъ актовъ можно упростить; цѣна 55 к. безъ пересылки. 5, „Снѣгурочка“ (по сказкѣ Островскаго, въ двухъ дѣйствіяхъ), обстановка довольно сложная, но въ самой книжкѣ указано какъ ее упростить. Въ пьесѣ есть пѣніе. Она напечатана въ дѣтскомъ журналѣ. Цѣна 25 к. съ пересылкой. Въ слѣдующій разъ сообщимъ дѣйствующихъ лицъ этой пьесы и дополнимъ списокъ другими пьесами, (списокъ предполагается къ изданію отдѣльной книжкой).

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Дер. ЗАВОДЪ, макарьевскаго уѣзда.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Деревня Заводъ, нестіарской волости, отстоитъ въ 22 верстахъ отъ села Воскресенскаго. Жители этой деревни являются переселенцы изъ тульской губерніи. Около 75 лѣтъ тому назадъ одинъ помѣщикъ тульской губерніи проигралъ въ карты сколько-то душъ своихъ крестьянъ другому помѣщику изъ нижегородской губерніи. Проигранные крестьяне и были переселены во владѣнія помѣщика нижегородской губ. и такимъ образомъ положили основаніе новой деревнѣ—Заводу. Есть „туляки“ и въ другихъ сосѣднихъ съ Заводомъ деревняхъ, напр., въ дер. Евтулихѣ. Переселившіеся изъ своего прежняго мѣстожительства—изъ тульской губерніи въ новое мѣсто уже всѣ померли, за исключеніемъ одного только старика, проживающаго теперь въ д. Заводѣ. Ему въ настоящее время уже болѣе ста лѣтъ и онъ

помнитъ всю исторію переселенія. Несмотря на свои преклонные годы, онъ еще довольно бодръ, плететъ лапти и т. п.. Деревня расположена недалеко отъ рѣки Люнды и со всѣхъ сторонъ окружена лѣсомъ. Всѣ жилыя строенія расположены въ одинъ порядокъ.

Но не лежитъ что-то сердце „туляковъ“ къ своему новому мѣстожительству; мысль перейти въ другое мѣсто не покидаетъ ихъ. Постоянно совѣщаются они между собою что и какъ предпринять имъ—чтобы уйти изъ настоящаго мѣстожительства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ заводскіе обыватели собрали довольно порядочную сумму денегъ, снабдили ею выискавшихся—послужить обществу односельчанъ; послѣдніе отправились въ какой-то городъ, якобы справиться, какъ живется тамъ крестьянамъ, по скольку земли имѣютъ тамъ они и т. п. Но до намѣченнаго мѣста уполномоченные не дошли, а, поистративши деньги въ дорогѣ, воротились домой ни съ чѣмъ. Несмотря на эту неудачу, „туляки“ не струсили и все еще надѣются, что настанетъ время, когда судьба поможетъ имъ найти болѣе подходящую, лучшую землю.

Недавно заводцы узнали, что въ васильскомъ уѣздѣ, въ 17 верстахъ отъ р. Волги, продается имѣніе г. Демидова, состоящее изъ 500 десятинъ; посудили, порядили „искатели лучшихъ мѣстъ“ и рѣшили купить эту землю; да кстати случилось такъ, что имѣніе это оказалось заводскимъ жителямъ извѣстнымъ: „луга такъ пойменные, орошаемые рѣчками Имзой и Угрой, впадающими въ рѣку Суру. Есть тамъ садъ, въ которомъ растетъ около 500 яблоней; словомъ, все въ этомъ имѣніи оказалось наилучшимъ и рѣки-то тамъ чуть ли не молочныя и берега-то чуть-ли не кисельные“. Дѣло было только въ томъ, какъ бы купить эту землю. Примкнули къ заводцамъ и еще кое-то изъ сосѣднихъ деревень, собрали сколько-то денегъ и отправили уполномоченныхъ въ Нижній-Новгородъ въ поземельный крестьянскій банкъ—поразузнать—дастъ ли онъ имъ денегъ подъ залогъ вышеозначенной земли, если дастъ, то сколько, а также попросить и совѣта, какъ имъ приступить къ хлопотамъ о покупкѣ этой земли. Оказалось, что цѣна имѣнія—43 т. рублей, но вѣрно ли продается имѣніе—этого въ банкѣ сказать не могли и посовѣтывали ходатаямъ справиться объ этомъ въ симбирскомъ дворянскомъ банкѣ, обѣщаясь съ своей стороны выдать деньги подъ залогъ этой земли.

Услыхавши это „искатели молочныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ“ изъ Нижняго же послали телеграмму въ симбирскій дворянскій банкъ, спрашивая—продается-ли такое-то имѣніе. Скоро изъ Симбирска пришла отвѣтная телеграмма, но далеко не утѣшительнаго для заводцевъ содержанія. Телеграмма гласила—такого имѣнія нѣтъ.

Оказалось, что покупатели второпыхъ перепутали названіе имѣнія. Чѣмъ кончится дѣло пока неизвѣстно. Нужно замѣтить, однако, что о переселеніи думаютъ не поголовно всѣ семейства, а только часть деревни—именно забывающіе пословицу, что „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“.

С. КОЧКУРОВО, лукояновскаго уѣзда.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Съ 14 марта при кочкуровскомъ волостномъ правленіи по воскреснымъ, другимъ праздничнымъ и нѣкоторымъ предпраздничнымъ днямъ, устраиваются безплатныя народныя чтенія съ туманными картинами, подъ руководствомъ лукояновскаго наблюдателя церковныхъ школъ, мѣстнаго священника о. Іоанна Александровича Миловскаго, который уступилъ въ пользованіе, для устроиваемой кочкуровской волостной библіотеки-читальни, его собственный волшебный фонарь съ серіей картинъ изъ жизни Спасителя. Чтенія ведутся лично имъ, о. Миловскимъ, другимъ священникомъ с. Кочкурова о. А. М. Миловскимъ и мѣстнымъ волостнымъ писаремъ В. С. Романовымъ. До сихъ поръ были прочитаны брошюры духовно-нравственнаго содержанія, въ будущемъ же предполагаются къ прочтенію брошюры историческія и беллетристическія—изъ произведеній А. С. Пушкина, для ознакомленія народа съ именемъ и личностію великаго поэта.

Такъ какъ помѣщеніе при волостномъ правленіи недостаточно просторно и желающіе посѣщать чтенія помѣщаются далеко не всѣ, то приходится одно и то-же прочитывать не одинъ разъ, но и при этомъ едва-ли возможно достичь того, чтобы всѣ желающіе могли со всѣмъ читаемымъ ознакомиться. Нужда въ болѣе обширной аудиторіи для чтеній въ с. Кучкуровѣ, имѣющемъ болѣе 5000 жителей, очень ощущительна.

Но надо благодарить Бога и за это: „лучше немного, чѣмъ нѣтъ ничего.“

ВѢСТИ ИЗЪ ВОЛЖСКО-КАМСКАГО КРАЯ.

Въ настоящее время выработанъ окончательно проектъ пловучей сельско-хозяйственной выставки для Поволжья и притоковъ Волги.

— На землечерпательныя работы на Волгѣ министерство путей сообщенія на предстоящую навигацію ассигновало свыше одного милліона руб. На Волгу съ открытіемъ навигаціи выпускаются 11 большихъ землечерпательныхъ машинъ, въ томъ числѣ большой американскій землесосъ, на одно содержаніе котораго ассигновано свыше 70,000 р. Стоимость этого землечерпательнаго каравана далеко превышаетъ милліонъ рублей, а на содержаніе его ассигновано 789,900 р. Содержаніе личнаго состава служащихъ по землечерпанію исчисляется въ суммѣ 59,460 руб. Такіе крупные расходы на землечерпательныя работы свидѣтельствуютъ, что путейское вѣдомство видитъ въ нихъ одинъ изъ болѣе раціональныхъ способовъ улучшенія судоходныхъ условій нашихъ рѣкъ, а главнымъ образомъ, борьбы съ перекатами.

— Въ нѣкоторыхъ приволжскихъ селеніяхъ, среди грамотныхъ крестьянъ, возникла мысль ознаменовать чѣмъ-нибудь полезнымъ и добрымъ предстоящій столѣтній юбилей А. С. Пушкина. Это благое намѣреніе, какъ сообщаетъ «С. От.», сначала возникло въ с. Баландѣ, въ низовомъ Поволжьи, вблизи Саратова. Баландинскіе крестьяне проектировали въ день рожденія великаго поэта устроить во всѣхъ своихъ трехъ училищахъ народныя чтенія, посвященныя предмету торжества, а затѣмъ сдѣлать сборъ среди желающихъ и учредить на эти средства особый капиталъ, для пособія нуждающимся односельчанамъ, въ «вѣчное» поминовеніе поэта Пушкина. Эта прекрасная мысль черезъ книгоношъ теперь уже распространилась среди громотнаго населенія селеній Поволжья и встрѣтила полное сочувствіе. Крестьяне искренне желаютъ почтить «добрыми дѣлами» поэта, съ прекрасными стихотвореніями котораго ознакомила ихъ земская школа.

— Въ Царицынѣ, по словамъ «Царицын. Вѣстн.», объявился спросъ на раки. Недавно въ этотъ городъ прибыло нѣсколько представителей отъ крупныхъ гастрономическихъ фирмъ изъ обѣихъ столицъ для закупки и поставокъ раковъ. Дѣло въ томъ, что съ уничтоженіемъ раковъ въ рѣкахъ Волгѣ и Дону область ихъ разселенія крайне съузилась. Вблизи Царицына ловля раковъ производится неподалеку отъ станціи Логъ грязе-царицынской желѣзной дороги и возлѣ станціи Сальская царицынско-тихорѣцкой линіи. На мѣстѣ лова цѣна на свѣжіе раки въ оптовой продажѣ стоитъ отъ 6 до 8 руб. за тысячу. Сальскій ракъ крупнѣе и ловится въ большомъ изобиліи, и провозъ его значительно дороже.

ТЕЛЕГРАММЫ

Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

Петербургъ, 18 апрѣля. Общимъ собраніемъ акціонеровъ страхового общества „Россія“ утвержденъ отчетъ за 1898 годъ. Собрано страховыхъ премій 13,040,798 р., выдано страховыхъ вознагражденій 8.484,888 р., причислено къ запасу премій 3,023,093 руб.; дивидендъ акціонеровъ—18 рублей на акцію. Запасные фонды Общества на 1-е января 1899 г. составляютъ 31.662,462 руб., кромѣ основного капитала въ 4.000,000 рублей.

Казань, 20 апрѣля. Прибыль воды на Волгѣ продолжается. За сутки прибыло $2^1/_2$ верш. Всего прибылой воды 13 арш. 9 верш. Низменныя части города залиты. Желѣзнодорожная дамба подмыта, такъ что поѣздъ съ трудомъ проходитъ къ городу. Общество спасанія на водахъ усилило свою дѣятельность, открывъ третью временную станцію на озерѣ Кабанѣ. На Волгѣ и Казанкѣ крейсируютъ лодки спасательнаго Общества.

Открыта станція Лаишево на рѣкѣ Камѣ.

Черниговъ, 20 апрѣля. Здѣсь устроенъ весенній праздникъ древонасажденія; насажено новое мѣсто подъ бульваръ. Такіе же праздники устроены въ Нѣжинѣ, Борзнѣ, Козельцѣ и Новозыбковѣ.

Стокгольмъ, 18 апрѣля. Сегодня рейхстагъ общимъ голосованіемъ обѣихъ палатъ вотировалъ чрезвычайную сумму 13.200,000 кронъ для морскихъ сооруженій. Всего ассигновано на флотъ 16.700,000 кронъ.

НИЖЕГОРОДСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА

симъ объявляетъ, что выданная на имя жены Коллежскаго Совѣтника Серафимы Михайловны Рейтлингеръ росписка вкладовъ на храненіе за № 15325 заявлена послѣдней утраченной, въ виду чего по истеченіи срока сей публикаціи ей будетъ выданъ дубликатъ росписки, а подлинная будетъ считаться **недѣйствительной**. 3—2

УПРАВЛЕНІЕ КУРСКО-ХАРЬКОВО-СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ доводитъ до общаго свѣдѣнія, *что на 30 число апрѣля* мѣсяца 1899 года въ 12 часовъ дня въ помѣщеніи управленія, находящемся въ г. Харьковѣ, назначается конкуренція посредствомъ подачи заявленій въ запечанныхъ конвертахъ на поставку для потребностей 1899 года къ сроку съ 15 мая и 15 іюля равными партіями въ мѣсяцъ кровельнаго матоваго желѣза 2 сорта съ указаніемъ завода, совершенно мягкаго и вполнѣ выдерживающаго пробу на загибъ въ замокъ въ количествѣ 10 фунтового 7500 пудовъ, 11 фунтового 15000 пудовъ, 12 фунтового 800 пудовъ, 15 фунтового 100 пудовъ и 20 фунтового 100 пудовъ, а всего 23500 пудовъ, при чемъ количество это опредѣлено лишь приблизительно и при заключеніи сдѣлокъ на поставку можетъ подлежать нѣкоторымъ измѣненіямъ.

Лица, желающія принять участіе въ означенной конкуренціи, приглашаются подать о томъ не позже 12 часовъ дня 30 числа апрѣля мѣсяца 1899 года свои заявленія.

Всѣ необходимыя справки и разъясненія, а равно и печатные экземпляры правилъ производства поставки на Курско-Харьково-Севастопольскую желѣзную дорогу желающіе могутъ получить почтою или лично во всѣ присутственные дни отъ 10 часовъ утра до 3 часовъ дня въ управленіи матеріальной службы К.-Х.-С. ж. дороги, помѣщающемся въ г. Харьковѣ, по Клочковской улицѣ, въ д. № 2.

На основаніи существующихъ законоположеній, управленіе Курско-Харьково-Севастопольской дороги оставляетъ за собою право выбора контрагента по своему усмотрѣнію. 3—3

ПРАВЛЕНІЕ
НИЖЕГОРОДСКАГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМНАГО КРЕДИТА

проситъ считать недѣйствительными, выданные Обществомъ на имя вдовы Нижегородскаго купца, Анны Андреевны Калашниковой: два билета на срочный вкладъ: 1-й отъ 7 августа 1897 года за № 2483 на 12100 р. и 2-й отъ 8 Декабря 1897 года за № 2538 на 14.000 руб. и квитанцію отъ 10 декабря 1897 г. за № 2751 въ привятіи отъ нея 300 р. въ оборотный капиталъ О-ва, такъ какъ означенные документы заявлены **УТРАЧЕННЫМИ.** 3—1

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА
Нижегородскаго Купеческаго Банка

за 1898 годъ.

СЧЕТЪ ПРИБЫЛИ И УБЫТКА.

ДЕБЕТЪ.

Счету % по вкладамъ. Уплачено за 1898 г.	Р. 94,547 58		
Счету % по текущ. счетамъ. Уплачено за 1898 г.	„ 18,812 05		
Счету % по сп. тек. сч. въ Н. О. Г. Б. Уплачено за 1898 г.	„ 229 80		
Счету % по переуч. векс. въ Н. О. Г. Б. Уплачено за 1898 г.	„ 1,037 92		
Счету имуществу. Списано въ погашеніе	„ 593 35		
Счету текущ. расходовъ. Израсходовано въ 1898 г.	„ 35,061 23	Р. 150,281 93	
Счету баланса. Чистая прибыль		„ 105,337 74	
		Р. 255,619 67	

КРЕДИТЪ.

Счетъ % по учету векселей съ 2 подп.	Р. 126,453 19	
Счетъ % отчисленныхъ отъ 1897 г.	„ 50,238 23	Р. 176,691 42
Счетъ % по учету векс. съ обезпеч.	Р. 2,691 21	
Счетъ % по отчис. отъ 1897 г.	„ 724 50	„ 3,415 71
Счетъ % по ссудамъ	Р. 8,808 93	
Счетъ % отчисл. отъ 1897 г.	„ 1,177 39	„ 9,986 32
Счетъ % по учету срочныхъ купоновъ		„ 47 26
Счетъ % по билетамъ Госуд. Казначейства		„ 641 08
Счетъ % по спец. текущ. счету		„ 44,641 81
Счетъ суммъ, поступивш. въ возвратъ понесенныхъ убытковъ по протестованнымъ векселямъ прежнихъ лѣтъ		„ 1,226 —
Счетъ % отъ покуп. и прод. % бумагъ		„ 1,974 59
Счетъ прибыли по страх. билетовъ		„ 622 55
Счетъ коммиссіи и разныхъ поступленій		„ 16,372 93
		Р. 255,619 67

БАЛАНСЪ
Нижегородскаго Купеческаго Банка

на 1-е января 1899 года.

ДЕБЕТЪ.

Счету касы	Р.	99,533	18
„ текущ. счета въ Нижегородскомъ Отдѣленіи Государственнаго Банка	„	78,553	89
„ билетовъ Государств. Казначейства	„	9,734	52
„ учтенныхъ векселей съ 2 подписями	„	3.326,591	12
„ „ „ съ обезпеченіями	„	10,997	—
„ „ срочныхъ бумагъ	„	2,076	—
„ спец. текущ. счета съ обезпеченіями	„	690,927	51
ссуды подъ % бумаги	„	118,070	—
% бумагъ, принадл. запасн. капиталу	„	210,848	14
„ „ „ оборотному	„	58,807	92
„ „ „ кассѣ вспоможенія служащимъ Банка	„	7,319	94
„ „ „ для спец. назнач.	„	501	58
„ корреспондентовъ Банка	„	491,768	49
„ векселей на коммиссіи	„	509,738	48
„ возвратныхъ расходовъ	„	5,621	07
„ гербоваго сбора	„	14	40
„ расходовъ, отчисленныхъ на 1899 годъ	„	2,586	45
„ имущества	„	5,340	17
	Р.	5.629,029	86

КРЕДИТЪ.

За счетъ основного капитала	Р.	600,000	—
„ „ запаснаго	„	210,842	50
„ „ резервнаго	„	73,000	—
„ „ текущихъ счетовъ	„	1.200,190	94
„ „ вкладовъ срочныхъ	„	2.185,791	70
„ „ „ безсрочныхъ	„	57,910	—
„ „ % подлежащ. уплатѣ по вкладамъ	„	40,036	39
„ „ корреспондентовъ Банка	„	541,196	03
„ „ отослан. на комм. вексел. и квитанц.	„	366,877	92
„ „ % отчислен. на 1899 г.	„	60,816	15
„ „ Госуд. 5% подоходн. налога по вкладамъ и текущимъ счетамъ	„	5,616	62
„ „ Госуд. налога на спец. тек. счетъ	„	41	03
„ „ Госуд. 5% налога на доход. запаснаго капитала	„	413	47
„ „ переходныхъ суммъ	„	171,671	76
„ „ кассы вспоможенія служащимъ	„	7,408	71
„ „ страхов. билетовъ	„	1,878	90
„ „ прибыли и убытка	„	105,337	74
	Р.	5.629,029	86

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРИБЫЛЕЙ.

Чистая прибыль за 1898 годъ			Р.	150,337 74
или на складочн. капит. 17,55%.			„	5,266 89
Исключается 5% налогъ			Р.	100,070 85
По § 57 ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. устава Банка слѣдуетъ къ выдачѣ:			Р.	48,000 —
Товарищамъ 8% на склад. капиталъ	Р.	36,449 60		
70% въ добавочный дивидентъ	„	6,248 50		
12% въ распоряж. гг. Членовъ Совѣта	„	6,248 50		
12% Членамъ Правленія	„	3,124 25	„	52,070 85
6% служащимъ	„		Р.	100,070 85

Предсѣдатель Правленія *А. В. Баулинъ.*

Директоры: *В. П. Воловниковъ.*
С. С. Майтовъ.
И. П. фонъ-Сизингъ.

Бухгалтеръ Н. В. Іогансонъ.

ПРОТОКОЛЪ

ОБЩАГО СОБРАНІЯ ТОВАРИЩЕЙ НИЖЕГОРОДСКАГО КУПЕЧЕСКАГО БАНКА

14-го марта 1899 года.

Въ Общемъ Собраніи Товарищей 14-го сего марта, изъ владѣльцевъ 120-ти паевъ, имѣющихъ 92 голоса, присутствовали представители—лично и по довѣрію—33 паевъ, имѣющихъ голосовъ: своихъ 18
по довѣренностямъ . . . . 14 32 голоса, въ
каковомъ составѣ Собраніе, по силѣ § 47 Устава Банка, признано состоявшимся и открыто Предсѣдателемъ Совѣта Д. М. Бурмистровымъ.

Затѣмъ Товарищи Собранія на основ. § 46 Устава, приступили къ избранію изъ своей среды Предсѣдателя Собранія, коимъ и былъ единогласно избранъ Д. М. Бурмистровъ.

По выслушаніи доклада Совѣта съ приложеніемъ объ утвержденіи отчета Банка за 1898 годъ, найденнаго Ревизіонною комиссіею по всѣмъ статьямъ прави‚ьнымъ и согласнымъ съ книгами Банка,—Общее Собраніе постановило:

1. Отчетъ Банка вмѣстѣ съ выведенною въ немъ чистою годовою прибылью за операціонный 1898 годъ	Р.	105,337 74
за вычетомъ 5% налога	„	5,266 89
	Р.	100,070 85
Утвердить и изъ причитающихся въ дивидендъ, согласно § 57 Устава:		
8% на складочный капиталъ	Р.	48,000 —
и 70% изъ излишка 52,070 85	„	36,449 60
	Р.	84,449 60
Назначить:		
а) въ выдачу дивиденда Пайщикамъ: 12% на складочный капиталъ	Р.	72,000 —
б) въ резервный капиталъ	„	7,000 —
в) въ фондъ вспоможенія служащимъ Банка	„	2,591 29
г) на благотворительныя цѣли по усмотрѣнію Совѣта Банка	„	2,700 —
и д) служителямъ Банка	„	158 31
	Р.	84,449 60

2. Выдачу дивиденда постановлено производить съ 15-го марта.

3. На мѣсто выбывающаго по очереди, согласно § 33 Устава Банка, вновь избранъ на предстоящее 4-хъ лѣтіе Директоромъ Правленія Банка Василій Петровичъ Воловниковъ.

Въ заключеніе всего Собраніемъ постановлено: выразить Гг. членамъ Совѣта, Г-ну Предсѣдателю Правленія и Директорамъ Банка—благодарность за ихъ полезную и успѣшную для Банка дѣятельность.

Правленіе.

Примѣчаніе. При семъ №-рѣ прилагается списокъ лицамъ, сдѣлавшимъ пожертвованія взамѣнъ визитовъ въ праздникъ Святой Пасхи 1899 года.

Дозволено цензурою. Нижегородская губернская типографія. Редакторъ Г. П. Демьяновъ.